

Д. Ю. Козлов

МИЛИТАРИЗАЦИЯ АЛАНДСКИХ ОСТРОВОВ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

С началом Первой мировой войны командующий флотом Балтийского моря адмирал Н. О. фон Эссен, констатировав «выяснившееся достаточно определенно за первый месяц войны отсутствие намерений у противника начать операции в Финском заливе»¹, настойчиво добивался корректуры плана применения флота и, в частности, расширения его операционной зоны и перечня задач, определенных «Планом операций морских сил Балтийского моря на случай европейской войны» 1912 г.²

22 августа (4 сентября) 1914 г. Николай Оттович подписал подготовленный оперативной частью его штаба документ под заголовком «Изменение оперативного плана», который предусматривал увеличение района действий флота до меридиана мыса Дагерорт с включением в его границы Моонзунда и Або-Оландского архипелага и развертыванием в этих районах пунктов базирования миноносных и подводных сил³. Очевидно, что решение этих задач обеспечивало достижение значимых оперативных целей — увеличения глубины оперативной обороны Финского залива и, что особенно важно, создания благоприятных условий для активных действий Балтийского флота в открытой части театра. Со своей стороны командование 6-й армии, которому Балтийский флот был оперативно подчинен с началом войны, а следом и Ставка верховного главнокомандующего констатировали, что «участие английского флота в войне коренным образом изменило соотношение сил», и, сделав вывод об «отсутствии намерений у противника начать операции в Финском заливе», 31 августа (13 сентября) санкционировали расширение района базирования миноносцев и подводных лодок⁴.

В соответствии с решением комфлота от 22 августа (4 сентября) оперативное построение флота и частные задачи соединениям легких сил претерпели серьезные изменения. Благодаря минному заграждению, по-

ставленному германским вспомогательным заградителем «Дойчланд» (фрегаттен-капитан Г. фон Розенберг) на меридиане маяка Тахкона 4 (17) августа⁵, появилась возможность выноса линии корабельного дозора на меридиан Дагерорта⁶. Район боевых действий 1-й минной дивизии (контр-адмирал И. А. Шторре) был выдвинут в Рижский залив, Ирбенский пролив и прилегающую к нему акваторию, 2-й минной дивизии (контр-адмирал А. П. Курош) — в Або-Оландский шхерный район, бригады подводных лодок (контр-адмирал П. П. Левицкий) — в Рижский залив, Ирбенский пролив и к северному побережью острова Даго. Расширение операционной зоны и постановка новых задач повлекли за собой перебазирование части сил флота: на Лапвик теперь опиралась дежурная бригада крейсеров, из Ревеля в Моонзунд перебазировались 1-я минная дивизия и бригада подводных лодок, в Або-Оландский район — 2-я минная дивизия, сохранившая свою прежнюю базу Лапвик в качестве тыловой⁷.

Таким образом, предусмотренные приказом от 22 августа (4 сентября) мероприятия стали первыми практическими шагами командования Балтфлота в направлении отхода от сугубо оборонительной идеологии применения флота, лежавшей в основе «Плана операций...» 1912 г.

Следующая инициатива Н. О. фон Эссена, имевшая отношение к Аландским островам, последовала в конце декабря 1914 г. Командующий флотом ходатайствовал перед морским министром и главнокомандующим 6-й армии о включении архипелага в создаваемую на театре систему позиционной обороны. Свою идею адмирал аргументировал тем, что Аланды фланкировали подходы к Финскому заливу и перекрывали неприятельским морским силам доступ в Ботнический залив, где осуществлялись экономические перевозки между финляндскими и шведскими портами.

Контроль над этими островами, по мнению Николая Оттовича, являлся, кроме того, непременным условием успешных действий русского флота в открытой части театра: «Постепенно определились методы ведения современной войны на море... На театрах географически узких и относительно мелких вод заграждения и подводная лодка заняли одно из первых мест среди прочих средств борьбы. Именно эти условия подходят к театру Финского залива и Балтийского моря, а потому флот, имея один лишь выход на свободную воду через устье залива, теперь находится под постоянной угрозой его лишиться. Поэтому я решил немедленно занять и укрепить Або-Оландский район и — кроме того — отделить для его обороны часть второстепенных сил флота»⁸. А существовавшая, по мнению российского командования, вероятность того, что «немцы, пользуясь замерзанием шхер, собираются завладеть этими островами с целью создать крайне невыгодную для нас обстановку в устьях Фин-

ского залива и вместе с тем строго контролировать входы в Ботнический залив», придавала «военным мерам для обороны Або-Оландского шхерного района» характер первостепенной и неотложной задачи⁹.

Неоднозначное правовое положение архипелага (Парижским трактатом 1856 г. на острова был наложен сервитут, запрещающий их милитаризацию¹⁰), заставило морского министра адмирала И. К. Григоровича просить о содействии внешнеполитическое ведомство. С аналогичной просьбой к министру иностранных дел обратился и главнокомандующий 6-й армией генерал от артиллерии К. П. Фан-дер-Флит, согласившийся с необходимостью столь очевидного улучшения исходных условий Балтфлота для сражения на центральной минно-артиллерийской позиции.

Выполняя пожелание военных, С. Д. Сазонов поручил посланнику в Стокгольме А. В. Неклюдову «в целях устранения каких бы то ни было неправильных толкований наших действий и, в частности, сомнений касательно наших благоприятных Швеции намерений... предупредить Шведское Правительство о принимаемых нами мерах и подчеркнуть при этом их исключительно оборонительный характер», а также выразить надежду на освещение российских военных приготовлений «в желательном для наших отношений к Швеции смысле»¹¹.

В первых числах января 1915 г. глава императорской миссии в Стокгольме проинформировал Петроград, что министр иностранных дел К. Валленберг принял сообщение *ad referendum*¹², расценив его как «доказательство нашего доверия к Шведскому Правительству». Король же и кабинет, по сообщению А. В. Неклюдова, «не заявляют никакого протеста против наших предполагаемых мер», более того, «Шведское Правительство рассматривает с удовлетворением все то, что может обеспечить морские коммерческие сношения с Россией»¹³. Получив благоприятный ответ из Стокгольма, С. Д. Сазонов уведомил Ставку верховного главнокомандующего, морского министра и главнокома 6-й армии, что дипломатическая служба не усматривает «препятствий к осуществлению намеченных мер по обороне Аландских островов»¹⁴.

В соответствии с планом оборудования Або-Оландской позиции, предложенным Н. О. фон Эссенем и утвержденным К. П. Фан-дер-Флитом, зимой 1914/15 гг. начались «подготовительные работы» (траление фарватеров, подвоз материалов, оборудование постов службы связи), с тем чтобы с началом навигации разместить на островах гарнизон и приступить к сооружению береговых батарей¹⁵. 10 (23) июня 1915 г. все расположенные на архипелаге военные формирования были сведены в Або-Оландскую шхерную позицию во главе с капитаном 1-го ранга (с ноября 1915 г. — контр-адмиралом) бароном О. О. Рихтером¹⁶.

Пожелания С. Д. Сазонова о том, «чтобы меры эти могли быть приняты в строжайшей тайне и чтобы о них было доверительно уведомлено лишь Шведское Правительство»¹⁷, оказались невыполнимыми. Как и предполагали российские дипломаты и военные, негативная реакция шведского общественного мнения на появившиеся в прессе сообщения о милитаризации Аландов не заставила себя ждать. Шведы опасались, что эти острова превратятся в «новый Порт-Артур в шести часах плавания от Стокгольма» (выражение финского историка П. Лунтинена)¹⁸. По наблюдению известного российского юриста-международника барона М. А. фон Таубе, «в шведской народной психологии была создана уверенность, что ограничение суверенных прав России на этот архипелаг составляет существенную гарантию безопасности шведской территории»¹⁹. Хотя военные меры русских являлись вынужденными и временными²⁰, о чем не устал повторять А. В. Неклюдов и с чем в принципе согласилось шведское правительство²¹, они спровоцировали в сопредельном королевстве мощную антироссийскую кампанию и активизацию сторонников прогерманской ориентации.

Если в последние месяцы 1914 г. германо-шведские отношения несколько охладилось²² (это было вызвано главным образом отказом шведов минировать пролив Эресунд и пресечь тем самым возможность прорыва английских подводных лодок в Балтийское море, а также транзитом в Россию грузов западных союзников), то весной 1915 г. явно обозначилось политическое сближение Берлина и Стокгольма. Об этом свидетельствовал, в частности, состоявшийся в мае 1915 г. вояж в Берлин авторитетного «активиста» (так именовали себя сторонники присоединения к германскому блоку), родственника и камергера шведской королевы риксмаршала графа Л. Дугласа, предложившего немцам, хотя и неофициально, идею захвата Аландских островов в качестве первой совместной военной акции против России.

Со своей стороны Германия, стремясь извлечь внешнеполитические дивиденды из впечатляющих успехов своего оружия на Восточном фронте, в середине 1915 г. предприняла наиболее мощный за всю войну натиск на нейтралитет Стокгольма²³. При этом Берлин использовал не только традиционные каналы и способы политического давления, но и средства «неофициальной дипломатии». Так, летом и осенью по инициативе имперского ведомства по иностранным делам Швецию трижды посетил гамбургский банкир М. Варбург, обрисовавший официальному Стокгольму перспективы германо-шведского военного союза. В качестве компенсации за вступление в войну шведам предлагались германское содействие в распространении шведского влияния на малые прибалтийские государства, возвращение Аландских островов и созда-

ние буферного с Россией финляндского государства. Однако К. Валленбергу, который явно не относился к лагерю воинствующих «активистов», более импонировала роль посредника в мирных переговорах между Германией и Россией, и военные инициативы Берлина были по обыкновению отклонены.

Альтернативный план вовлечения Швеции в войну предложил в августе 1915 г. германский морской атташе в скандинавских странах капитан цур зее Р. фон Фишер-Лоссайнен. Он полагал, что катализатором вооруженного выступления шведов могла бы послужить высадка на Аландские острова пятитысячного немецкого десанта, усиленного подготовленными в Германии подразделениями финских добровольцев. Участие последних должно было придать высадке характер не германской оккупации, а первого акта национально-освободительной войны финского народа, что не могло не вызвать сочувствия со стороны шведской общественности и официального Стокгольма, а также спровоцировало бы восстание в собственно великом княжестве. Аргументы Р. фон Фишера-Лоссайнена показали убедительными с политической точки зрения рейхсканцлеру Т. фон Бетман Гольвегу, поддержал идею и весьма влиятельный начальник морского кабинета адмирал Г. фон Мюллер. Военные же аспекты «аландской экспедиции» 11 (24) августа были обсуждены начальником генштаба Э. фон Фалькенгайном и руководителем адмирал-штаба Г. Бахманом. Они были единодушны в том, что германские вооруженные силы не располагают свободными ресурсами для самостоятельного вторжения на Аланды. Вопрос о десантной операции немецкое военное руководство поставило в прямую зависимость от участия в ней шведских войск, что заставило имперскую дипломатию активизировать усилия на скандинавском направлении²⁴.

В ноябре германцы еще раз озвучили «аландский вопрос» — на сей раз устами принца Макса Баденского, кузена шведской королевы Виктории²⁵. Целью его миссии являлась подготовка военной конвенции, предусматривавшей наступление шведских войск, усиленных германским армейским корпусом, на Петроград. Однако ни король Густав V, ни премьер-министр Я. Хаммаршельд, ни министр иностранных дел не сочли предложенные Берлином компенсации достаточными для того, чтобы пожертвовать преимуществами нейтрального статуса и ввязаться в войну с Россией, а значит и с Англией, нападения которой в Стокгольме особенно опасались. Сыграло свою роль и категорическое неприятие шведским генштабом требования Берлина о подчинении в случае войны шведской армии германскому верховному командованию и, более того, включении шведских дивизий в состав германских корпусов²⁶.

Несколько забегая вперед, отметим, что уже к исходу 1915 г. германское руководство окончательно убедилось в решимости шведов сохранить свой нейтралитет. Да и в самом Берлине все громче звучали голоса политиков, считающих, что Швеция полезнее для Германии в качестве благожелательного нейтрала и экономического партнера, нежели в качестве союзника²⁷.

Военное же командование Второго рейха и ранее с некоторым скептицизмом оценивало способность немногочисленной шведской армии (по штатам военного времени — около 100 тыс. человек²⁸) вести длительные и широкомасштабные военные действия. Как явствует из официального германского описания балтийских кампаний 1916–1918 гг., на реальную военную помощь шведов при высадке на Аландские острова немцы не рассчитывали²⁹. 14 (27) сентября 1916 г. первый генералквартирмейстер кайзеровской главной квартиры генерал Э. Людендорф в разговоре с известным шведским прогерманским публицистом С. Хедином заметил, что вступление Швеции в войну уже не имеет военного значения³⁰. Поэтому весьма вероятно, что инициативы Берлина имели не столько военный, сколько политический характер и преследовали цель поддержать в шведах враждебность по отношению к России. Однако в Петрограде и Могилеве полагали совершенно неуместным лишний раз «нервировать» нейтральных соседей и с особым вниманием относились к неприкосновенности нейтралитета Швеции.

Таким образом, стратегически необходимое России включение Аландских островов в операционную зону флота Балтийского моря и размещение на них военных формирований в начале Первой мировой войны были осуществлены морским ведомством при деятельном и эффективном содействии Министерства иностранных дел. Шведское же правительство, хотя и вынуждено было считаться с мощным прогерманским лобби в своей стране, с пониманием отнеслось к этой вынужденной мере русских и не настаивало на буквальном выполнении международных договоренностей, ограничивавших суверенитет Российской империи над этим архипелагом. Корректная и сдержанная реакция кабинета Густава V на присутствие российских вооруженных сил на Аландах (наряду с другими эпизодами российско-шведских отношениях времен Великой войны — например, минной блокадой русским флотом проливов Оландстаф и Кваркен в 1916 г.³¹) дает основание усомниться в непогрешимости тезиса о прогерманском характере шведского нейтралитета, имеющего широкое хождение в советской и российской историографии. Как представляется, шведский нейтралитет, во всяком случае, в 1914 и самом тяжелом для России 1915 годах, был гораздо более «прошведским», нежели «прогерманским».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив военно-морского флота (далее: РГАВМФ). Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 116. Л. 25.

² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 5534. Л. 121–144 об.; Оп. 2. Д. 215. Л. 37–60.

³ Там же. Ф. 757. Оп. 1. Д. 139. Л. 19–19 об.

⁴ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

⁵ Корабельный отряд под командованием контр-адмирала Р. Мишке (малые крейсера «Аугсбург» и «Магдебург», вспомогательный заградитель «Дойчланд» и три миноносца), имевший задачу заградить Сулопский проход, в устье Финского залива вступил в боевое соприкосновение с дозорными крейсерами «Громобой» и «Адмирал Макаров» под флагом контр-адмирала Н. Н. Коломейцова, в результате чего мины были поставлены значительно западнее. Впоследствии это заграждение было включено русским флотом в систему обороны Финского залива, составив основу созданной в 1916 г. передовой минно-артиллерийской позиции. (РГАВМФ. Ф. р-1529. Оп. 2. Д. 13. Л. 125–128; *Гончаров Л. Г., Денисов Б. А.* Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л., 1940. С. 15–23, 57, 58; *Фирле Р.* Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации / вступ. статья и примеч. М. А. Петрова, пер. с нем. П. В. Гельмерсена и А. В. Тимонова. Л., 1926. С. 77–86.)

⁶ По оценке Н. О. фон Эссена, «операция постановки минного заграждения в устье залива была выполнена в виду наших судов, почему не только не принесла нам вреда, но даже впоследствии облегчила дозорную службу» (РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 142. Л. 3).

⁷ РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 139. Л. 19–19 об.; Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. В 2 т. Т. 1: Действия русского флота. М., 1964. С. 96–97.

⁸ Цит. по: *Амирханов Л. И.* Морская крепость Императора Петра Великого. СПб., 1995. С. 26.

⁹ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 12. Л. 24–24 об.

¹⁰ *Востров А. В.* Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№ 2): Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события в истории. К столетию Великой русской революции и независимости Финляндии. Материалы VII ежегодных Барышниковских научных чтений (23 сентября 2017 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова, Ю. И. Мошник. Выборг, 2018. С. 114–125.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 об.

¹² «К докладу» (*лат.*) — пометка, означающая, что документ должен быть представлен на рассмотрение вышней инстанцией.

¹³ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 12. Л. 27; Архив внешней политики Российской империи (далее: АВПРИ). Ф. 138. Оп. 467. Д. 387. Л. 2.

¹⁴ РГАВМФ. Ф. 757. Оп. 1. Д. 140. Л. 20–20 об.; АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 387. Л. 6 об., 7 об.

¹⁵ РГАВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 12. Л. 28–28 об.; АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 387. Л. 16 об. О дальнейшем развитии Або-Оландской шхерной позиции см. подробнее: *Амирханов Л. И.* Морская крепость Императора Петра Великого. С. 26–30; *Таме-*

ев А. Береговые батареи Балтийского моря: герои Моонзундского сражения. М., 2021. С. 49–54.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 454. Л. 1.

¹⁷ Там же. Ф. 716. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 об.

¹⁸ Цит. по: *Рупасов А. И.* Германо-шведские контакты о заключении военно-го союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб., 1995. С. 32.

¹⁹ *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 100.

²⁰ Российско-шведские переговоры по этому вопросу были намечены на осень 1917 г. и не состоялись по известным политическим причинам (*Кан А. С.* Швеция и Россия в прошлом и настоящем / пер. со швед. М., 1999. С. 184).

²¹ АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 387. Л. 2; *Gihl T.* Den svenska utrikespolitikens historia. [Bd] IV: 1914–1919. Stockholm, 1951. S. 276–277.

²² В январе 1915 г. военно-морской агент в Стокгольме капитан 2-го ранга В. А. Сташевский докладывал в Морской генеральный штаб, что «шведы успокоились и вряд ли возможно ожидать их выступления». (Цит. по: *Брыков Д. С.* Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — февраль 1917) // Русский сборник. Исследования по истории России. Том V (2008). С. 129).

²³ См. подробнее: *Рупасов А. И.* Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.). С. 33–39.

²⁴ *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальной». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / под ред. Ю. Г. Акимова. СПб., 2006. С. 91–94.

²⁵ См. подробнее: *Rystad G.* The Aland Question and the Balance of Power in the Baltic during the First World War // In Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500–1990. V. II: 1890–1990. Stockholm, 1995. P. 53–54.

²⁶ *Брыков Д. С.* Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — февраль 1917). С. 144.

²⁷ *Корунова Е. В.* Шведский нейтралитет в Первой мировой войне: случайность или закономерность // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 10.

²⁸ *Табаровская К. А.* Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 194.

²⁹ *Gagern E., von.* Der Krieg in der Ostsee. Dritter Band. Von Anfang 1916 bis zum Kriegsende. Frankfurt/M., 1964. S. 15.

³⁰ *Новикова И. Н.* «Между молотом и наковальной». С. 134.

³¹ См. подробнее: *Козлов Д. Ю.* Проблема «минной блокады» проливов Оландсгаф и Кваркен в контексте российско-шведских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 21 (1) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 200–208.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханов Л. И. Морская крепость Императора Петра Великого. СПб.: Морской Региональный Центр, изд. «Иванов и Лецинский», 1995. 80 с.

Брыков Д. С. Русско-шведские отношения в период Первой мировой войны: военно-политический аспект (1914 — февраль 1917) // Русский сборник. Исследования по истории России. Том V (2008). С. 125–151.

Востров А. В. Аландский вопрос и его трансформация в период 1809–1917 гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 19 (№ 2): Россия, Финляндия и Скандинавия: ключевые события в истории. К столетию Великой русской революции и независимости Финляндии. Материалы VII ежегодных Барышниковских научных чтений (23 сентября 2017 г.) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова, Ю. И. Мошник. Выборг: ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник», 2018. С. 114–125.

Гончаров Л. Г., Денисов Б. А. Использование мин в мировую империалистическую войну 1914–1918 гг. М.; Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1940. 176 с.

Кан А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999. 357 с.

Козлов Д. Ю. Проблема «минной блокады» проливов Оландсгаф и Кваркен в контексте российско-шведских отношений периода Первой мировой войны // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. Вып. 21 (1) / под ред. В. Н. Барышникова, П. А. Кротова. СПб.: Изд-во РХГА, 2019. С. 200–208.

Корунова Е. В. Шведский нейтралитет в Первой мировой войне: случайность или закономерность // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 3–18.

Новикова И. Н. «Между молотом и наковальней». Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны / под ред. Ю. Г. Акимова. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006. 448 с.

Рупасов А. И. Германо-шведские контакты о заключении военного союза (1910–1915 гг.) // Первая мировая война и международные отношения. Сборник. СПб.: АОЗТ «Издательство КН», ФМО СПбГУ, 1995. С. 30–40.

Табаровская К. А. Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 183–194.

Тамеев А. Береговые батареи Балтийского моря: герои Моонзундского сражения. М.: Яуза; Эксмо, 2021. 192 с.

Таубе М. А. «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М.: Памятники исторической мысли; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 270 с.

Фирле Р. Война на Балтийском море. Т. 1: От начала войны до прекращения в феврале 1915 года навигации / вступ. статья и примеч. М. А. Петрова, пер. с нем. П. В. Гельмерсена и А. В. Тимонова. Л.: Редакционно-издательский отдел Морских сил РККФ, 1926. 296 с.

Флот в первой мировой войне / под ред. Н. Б. Павловича. В 2 т. Т. 1: Действия русского флота. М.: Воениздат, 1964. 647 с.

Gagern E., von. Der Krieg in der Ostsee. Dritter Band. Von Anfang 1916 bis zum Kriegsende. Frankfurt/M.: Verlag E. S. Mittler & Sohn, 1964. 462 p.

Gihl T. Den svenska utrikespolitikens historia. [Bd] IV: 1914–1919. Stockholm: P. A. Nordstedt & Söners förlag, 1951.

Rystad G. The Aland Question and the Balance of Power in the Baltic during the First World War // In *Quest of Trade and Security: The Baltic in Power Politics, 1500–1990*. V. II: 1890–1990. Stockholm: PROBUS Förlag, 1995. P. 51–105.